

**Мобилизуя одиноких матерей:
демографическая политика
в послевоенном СССР**

Элла Россман
(eyurossman@gmail.com),
независимый эксперт.

**Mobilizing single mothers:
demographic policy
in the post-war USSR**

Ella Rossman
(eyurossman@gmail.com),
independent expert.

Резюме: Рецензия на монографию Миэ Накачи, посвященную исследованию советской демографической политики при Сталине и Хрущеве, и основанной на ранее скрытых архивных материалах, которая показывает, что решения, принятые во время и после Второй мировой войны под рубриками «семейного права» и пронатализма, создавали общество несостоятельных браков, «безотцовщины» и абортной культуры. Эта книга обязательна к прочтению всем, кто хочет узнать не только о репродуктивном поведении в условиях демографической катастрофы, но и о кухне советских политиков.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, Указ 1944 г., семья, гендер, одинокие матери, аборт, Хрущёв, Вторая мировая война, СССР.

Для цитирования: Россман Э. (2022). Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР. Демографическое обозрение, 9(2), 119-122. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16209>

Abstract: A review of a monograph by Mie Nakachi devoted to the study of Soviet demographic policy under Stalin and Khrushchev based on previously hidden archival data, which reveals that decisions made during and after World War II under the rubrics 'family law' and pronatalism created a society of broken marriages, 'fatherless' children, and abortion culture. This book is a must-read for anyone who wants to learn not only about reproduction behaviors in the context of demographic disaster but also about the inner workings of Soviet policy makers.

Keywords: fertility, demographic policy, 1944 Family Law, family, gender, single motherhood, abortion, Khrushchev, World War II, USSR.

For citation: Rossman E. (2022). Mobilizing single mothers: demographic policy in the post-war USSR. Demographic Review, 9(2), 119-122. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16209>

Советская демографическая политика в сегодняшней России окружена стереотипами, выдумками и не вполне уместной ностальгией по «лучшим временам». Эта ностальгия обретает и политическое выражение: например, в форме недавнего возвращения титула «Матери-героини», который ранее был учрежден при Иосифе Сталине и был частью демографической политики военного времени. В таких условиях книга Мие Накачи важна не только как чрезвычайно детальное, даже, можно сказать, дотошное исследование официальных документов и демографических изменений в СССР 1940-1960-х, но и как общественно важное высказывание. Факты, установленные Накачи, позволяют развенчивать мифы о советской демографии, к которым нередко прибегают политики и которые мешают современному российскому социуму полноценно осмыслить свою историю.

Исследование Накачи можно назвать по-настоящему монументальным. Хотя до него существовала не одна работа о демографической политике этого периода, именно Накачи смогла собрать воедино множество мельчайших деталей этой истории, а также добавить к ним информацию из новых источников (список архивов в конце тома впечатляет). Основной тезис автора может показаться вызывающим для тех, кто, как раз, испытывает ностальгию по советским временам. Накачи утверждает, что советские власти, в частности, Никита Хрущев, который во многом отвечал за демографическую политику военного и послевоенного времени, пытались решить проблему гендерного дисбаланса и катастрофических человеческих потерь СССР во Второй мировой войне, по сути «мобилизуя» для этой цели одиноких матерей. Демографические реформы 1940-х, в частности, указ 1944 г., стимулировали рождаемость среди незамужних женщин и вдов, при этом делая отцовство в семьях опционным. Женщины теряли право устанавливать отцовство детей, если дети рождались вне брака, и при этом получали новые виды поддержки государства, которое брало на себя традиционную роль «кормильца» в семье. Новая политика по сути подталкивала советских мужчин к внебрачным отношениям, снимая опасения, что потом придется растить детей и платить алименты (их Хрущев считал препятствием повышению рождаемости), и стремилась обеспечить базовую поддержку женщинам, которые сталкивались с нежелательной беременностью в результате таких отношений. Накачи показывает, как советский государственный «пронатализм двух родителей» 1930-х, целью которого было стимулировать и мужчин, и женщин иметь больше детей, сменился в 1940-х «пронатализмом одного родителя», в котором акцент делался исключительно на женщинах и их поощрении за деторождение и (в идеале) за воспитание детей (впрочем, последнее было совсем не обязательно: советские матери получили возможность отказаться от воспитания ребенка и предоставить это право государству).

Одновременно с поощрением деторождения демографическая политика 1940-х предполагала множество видов наказания для тех граждан, которые его избегали. Эта группа мер включала криминализацию аборт (мера, введенная еще в 1936 г., но впоследствии ужесточенная), введение налога на безбрачие и «малосемейность» (его платили бездетные и те, кто растил менее трех детей; именно такое число детей было идеалом в проектах Хрущева), усложнение развода. По сути это означало введение жесткого надзора за сферой личной жизни граждан, и для этого были созданы специальные контролирующие органы. Власти показывали однозначно: всё, что ведет к сокращению рождаемости, является нежелательным поведением, которое облагается чем-то вроде штрафа, или даже уголовным преступлением, как в случае с абортами.

При этом деньги с налога для холостяков, бездетных и малолетних шли на помощь матерям и сиротам, что создавало ситуацию, в которой граждане не только наказывались за уменьшение рождаемости, но и должны были вовлекаться в помощь центральным фигурам советской демографической политики: матерям и детям.

Военная и послевоенная демографическая политика – отнюдь не первый случай, когда женщин в СССР мобилизовали на выполнение государственных планов и количественных показателей. Как показала историк Венди З. Голдман, именно женщины стали принципиально важной силой советской индустриализации 1930-х, и именно это, а не только забота об их правах и желание освободить от «кухонного рабства», стало одной из причин столь быстрого роста числа женщин-работниц в сталинском СССР (Голдман 2010). Патерналистская забота о матерях и детях, манифестированная в официальных документах, тоже имела двойное дно, которое заключалось в том, что именно советские женщины вновь должны были «исправлять» бедственную ситуацию в стране и выполнять планы, поставленные перед ними лидерами-мужчинами. При этом, призывая к деторождению, авторы законов 1940-х отнюдь не спешили снимать с женщин рабочую нагрузку: рук в послевоенное время тоже отчаянно не хватало, особенно в деревнях (Накачи в книге приводит полные тревоги официальные документы о ситуации с рабочей силой в разных регионах). Иными словами, как уже писали и другие исследователи до Накачи, например, российские социологи Анна Темкина и Елена Здравомыслова (2003), советские женщины оказались мобилизованы на два «фронта», производства и воспроизводства, и эта ситуация сохранялась на протяжении всего времени, пока существовал советский режим.

Согласно исследованию Накачи, описанная демографическая политика в результате оказалась неудачной и не принесла ожидаемых результатов. Количественный анализ эффективности этой политики ограничен по многим причинам, и в первую очередь из-за того, что советские статистические данные того периода были недостаточно полными, детальными и надежными. Накачи находит изящное решение этой проблемы с источниками и анализирует многочисленные факторы, которые просто не оставляли возможности новым законам эффективно повышать рождаемость: от репрессий среди гинекологов и специалистов по женскому здоровью до тех сложностей, с которыми в реальности сталкивались советские матери-одиночки, если хотели получать пособие. В целом статус матери-одиночки в СССР оставался нежелательным и стигматизированным, пишет Накачи, а новые законы скорее дестабилизировали семьи, чем укрепляли их. Беби-бум, который случился в СССР после окончания войны, был менее заметным, чем, например, в США или в целом ряде стран Европы, и в целом реформы 1940-х ситуацию улучшить не смогли. В дальнейшем советским экспертам пришлось самим признать, что политика была неудачной, а властям – поломать голову над тем, как разобраться с последствием законотворчества 1940-х. Интересно, что несмотря на явный провал акцентированной на матерях советской пронаталистской политики, согласно Накачи, современные российские власти с 2000-х годов пытаются вернуться к этой модели и вводят ориентированные на матерей меры вроде «материнского капитала» или, как мы теперь видим, звания «Матери-героини», которое, очевидно, продолжает эту логику. Ошибки прошлого остаются неучтенными в их проектах. При этом в самом обществе, на мой взгляд, назревает протест против попыток эксплуатации женщин для решения насущных государственных и демографической проблем, и он проявляется, например,

в росте феминистского движения, которое активно развивалось в России все 2010-е годы (Surman, Rossman 2022).

Книга Накачи состоит из введения, эпилога и шести глав, повествование развивается в хронологическом порядке. Автор специально останавливается непосредственно на пронаталистской политике 1940-х и сложном процессе обсуждения и создания указа 1944 г. (глава 1). Отдельную главу она посвящает контролю за незаконными абортами и теме женского здоровья в СССР (глава 2). Последующие четыре главы рассказывают о последствиях политики 1940-х и тех способах, при помощи которых власти пытались реформировать военное и послевоенное законодательство. Особый интерес, на мой взгляд, представляет глава 5, в которой детально описывается процесс декриминализации аборт в 1955 г.: как оказывается, в СССР было подобие публичной дискуссии по этому вопросу (преимущественно в формате писем во власть), в которой принимали участие врачи и заинтересованные женщины, и многие из них просили сделать аборты законными в том числе ради сохранения здоровья советских женщин и чтобы они не оказывались в безвыходных ситуациях. Краткий эпилог содержит наблюдения Накачи о том, как советский пронатализм повлиял на постсоветскую демографическую политику в России. Из-за обилия деталей книгу вряд ли можно читать как увлекательный исторический роман, скорее она напоминает подробный справочник с детальной реконструкцией того, как принимались решения в советской демографической политике и к каким последствиям они приводили. Надеюсь, что рано или поздно эта книга будет переведена на русский и станет доступна русскоязычным читателям, которые, впрочем, уже могут ознакомиться с основными положениями этой работы в статье самой Мие Накачи, опубликованной в прошлом номере «Демографического обозрения» (Накачи 2022).

Литература

- Голдман В. (2010). Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. Москва: РОССПЭН.
- Здравомыслова Е., Темкина А. (2003). Государственное конструирование гендера в советском обществе. *Журнал исследований социальной политики*, 1(3-4), 299-322.
- Накачи М. (2022). Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х –1960-х годах. *Демографическое обозрение*, 9(1), 34-55.
<https://demreview.hse.ru/article/view/14572/13715>
- Nakachi M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. New York: University of Oxford Press
- Surman J., Rossman E. (2022). New dissidence in contemporary Russia: Students, feminism and new ethics. *New Perspectives*, 30(1), 36.